

**ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ
РУССКОЙ ВЕРСИИ НЕОКАНТИАНСТВА
А. И. ВВЕДЕНСКИЙ И В. ДИЛЬТЕЙ**

Сопоставлено эпистемологическое основание концепции методологии истории А.С. Лаппо-Данилевского с «психофизиологическим законом отсутствия признаков одушевления» основоположника русской версии неокантианства А.И. Введенского и принципами «описательной психологии» В. Дильтея. Показано системообразующее значение принципа признания чужой одушевленности в теории познания Лаппо-Данилевского. Выявлена общность в понимании Введенским, Дильтеем и Лаппо-Данилевским *объекта* исторического познания – объективированного продукта психической жизни/исторического источника, *цели* гуманитарного познания – понимания Другого, а также *метода* – аналогии с собственной душевной жизнью.

Ключевые слова: *русская версия неокантианства, психофизиологический закон А.И. Введенского, принцип признания чужой одушевленности, описательная психология В. Дильтея, А.С. Лаппо-Данилевский, методология историчности познания*

В 1995 г. в статье энциклопедического словаря «Русская философия» историк философии А.И. Абрамов констатировал: «...не сложилось духовного образования, к(ото)рое можно было бы назвать феноменом рус(ского) кантианства, сравнимого с рус(ским) шеллингианством 10-20-х гг. XIX в. и рус(ским) гегельянством 30-40 гг. XIX в. Сложилось мнение о почти полном неприятии К(анта) в Р(оссии). О том, что философия в России испытывает якобы идиосинкразию к строю кантианских идей...»¹ Показательно, что Абрамов назвал статью «Кант в России» (при отсутствии в Словаре статьи «неокантианство»), он фактически отказывает в существовании русскому неокантианству, парадоксальным образом утверждая: «К неокантианству обычно относят таких рус(ских) мыслителей, как А.И. Введенский, И.И. Лапшин <...>. Они скорее кантианцы, т.е. последователи и продолжатели филос(офского) учения К(анта), чем последователи каких-то школ неокантианства» [sic!]². Этой же логике следует автор статьи об основоположнике русского неокантианства А.И. Введенском в том же Словаре В.В. Сербиненко: «Хотя ни одна из школ западноевроп(ейского) неокантианства и не оказала на В(веденского) непосредственного и серьезного влияния, его понимание методол(огических) задач “критической” философии в целом соответствовало общему направлению развития кантианства...»³.

¹ Абрамов 1995. С. 235.

² Там же. С. 241.

³ Сербиненко 1995. С. 85.

Правда, с тех пор интерес к русскому неокантианству и, преимущественно, к критической философии его признанного основоположника Александра Ивановича Введенского (1856–1925) существенно вырос, о чем свидетельствуют проведение конференции к 150-летию со дня рождения философа⁴, публикация ряда работ монографического характера⁵, а также основательного сборника статей, посвященного наиболее видным представителям русского неокантианства – А.И. Введенскому и И.И. Лапшину⁶, переиздание их работ и трудов некоторых других неокантианцев⁷. Но и спустя почти двадцать лет после публикации статьи Абрамова исследователь истории русской философии А.В. Малинов приходит к выводу: «...собственный путь в философии Введенский видел не в следовании И. Канту, а в развитии его идей. В том, насколько успешным было это развитие, историографы расходятся в своих оценках. Скорее, Введенского можно все-таки считать эпигоном И. Канта, а не философом, сделавшим в философии следующий шаг...»⁸.

Не возьмусь оспаривать вывод столь авторитетного историка философии (оставлю за скобками, точнее – в скобках, мое непонимание логики этого высказывания: Введенский – эпигон Канта или все-таки развивал его идеи?): возможно, Введенский и не внес существенного вклада в развитие философских идей, но значение его построений для создания оригинальной версии методологии истории, – с точки зрения историка / историка-источниковеда, а не философа, – неоспоримо. И если я не считаю себя достаточно компетентной, чтобы вмешиваться в философский спор об «эпигонстве» Введенского (да это и выходит за рамки настоящего исследования), то согласиться с оценкой его концепции как тупиковой⁹ не могу никак.

Справедливости ради, надо отметить, что были и другие оценки философского творчества А.И. Введенского. Представитель младшего поколения неокантианцев Б.В. Яковенко (1884–1948) в «Истории русской философии» (опубликована в 1939 г. в Праге на чешском языке и, вероятно, по этой причине мало известна российскому научному сообществу вплоть до перевода на русский язык в 2003 г.) отмечал: «Самым близким к Канту и в этом смысле самым ортодоксальным критиком в России был Александр И. Введенский <...> Несмотря на то, что он принадлежал к поколению философов, провозгласивших лозунг “Назад к Канту”, известное как неокантианство, его философское ми-

⁴ Александр Иванович Введенский и его философская эпоха... 2006.

⁵ Круглов 2009; Неокантианство немецкое и русское... 2010; Дмитриева 2007.

⁶ Неокантианство в России... 2013.

⁷ Кант: pro et contra... 2005; Введенский 1996; Лапшин 1999.

⁸ Малинов 2013. С. 141-142.

⁹ Там же. С. 136-137.

ровоззрение нельзя считать простым эпигонством: во-первых, оно было очень самостоятельно продумано, и, во-вторых, его отдельные составные части отличались подлинной оригинальностью»¹⁰.

Предположу, что вывод о «тупиковости» русского неокантианства, все-таки возобладавший в последние годы, как и скептическое отношение к неокантианству Введенского, обусловлены тем, что философы «отсекают» от рассмотрения труды историков-неокантианцев, а именно в методологии истории, на мой взгляд, была реализована наиболее продуктивная ветвь русской версии неокантианства.

Примечательно, что историки философии, анализирувавшие в последние годы философию А.И. Введенского, почти не обращали внимания на те аспекты, которые получили развитие в методологии истории А.С. Лаппо-Данилевского (1863–1919) и затем, на этой основе, в источниковедении XX – начала XXI в., а именно, на «психофизио-логический закон отсутствия объективных признаков одушевления»¹¹ и вытекающий из него принцип признания чужой одушевленности. Исключение составляет статья А.В. Малинова, в которой дан глубокий анализ «психофизиологического закона». Примечательно, что Малинов находит новизну концепции Введенского в развитии этики Канта, а значит – в формулировке «четвертого постулата практического разума» (хотя и не использует это понятие, предложенное Н.О. Лосским¹²). Малинов приводит слова Введенского: «Сам Кант по указанному им методу не нашел еще ни одного метафизического положения, неоспоримость которого была бы вне сомнений и которое служило бы наглядным примером, сколь достоверны могут быть положения критической метафизики. Теперь же найдена такая истина: это – одушевление других людей»¹³. Полемика вокруг «психофизического закона отсутствия объективных признаков одушевления» бегло затронута Э.В. Тихоновой¹⁴.

Различие позиций философа/историка философии и историка проявляется еще и в том, что философы (и психологи) в аргументации Введенского акцентируют внимание на наблюдении внешних (телесных/физиологических) проявлений Другого и самонаблюдении собственных психических состояний, но не придают значения «объективным обнаружениям чужой душевной жизни», т.е. той составляющей концепции Введенского, которая и будет востребована в методологии источниковедения Лаппо-Данилевского.

¹⁰ Яковенко 2003. С. 284.

¹¹ В современной историко-философской литературе принято называть этот закон «психофизическим», но следуя в его наименовании за А.И. Введенским.

¹² Лосский 1991. С. 190-191.

¹³ Введенский 1892. С. 110-111; Малинов 2013 С. 141.

¹⁴ Тихонова 2010.

Анализируя – в разных контекстах, но преимущественно в связи с методологией истории Лаппо-Данилевского, русскую версию неокантианства, я неоднократно отмечала принципиальное ее отличие от Баденской школы неокантианства, с которой устойчиво связывают разработку теоретических проблем исторической науки на рубеже XIX–XX вв.¹⁵ На мой взгляд, некоторые аспекты сближают русскую версию неокантианства с концепцией другого знаменитого немецкого философа, размышлявшего, как и баденские неокантианцы, о специфике наук «о духе», – Вильгельма Дильтея (1833–1911). Крайне примечательно, что в связи с Введенским историки философии не упоминают Дильтея, тогда как сопоставление «психофизиологического закона» Введенского и описательной психологии Дильтея открывает перспективный взгляд на философские основания методологии истории.

Цель настоящей статьи – соотнести построения методологии истории Лаппо-Данилевского с концепцией Введенского и с сопоставимой с ней «описательной психологией» Дильтея. Лаппо-Данилевский интересен в этом историко-философском контексте тем, что переводит философские конструкции Введенского и Дильтея в плоскость исторического метода. Такое сопоставление позволит нам, с одной стороны, выявить философские основания методологии истории русской версии неокантианства (что и заявлено в теме статьи), но с другой стороны, продемонстрировать направление продуктивного развития русской версии неокантианства, оспорив его «тупиковость». За пределами рассмотрения остался целый ряд философов и, что более важно, психологов, к которым апеллировал Лаппо-Данилевский¹⁶. Дильтея выбран из общего ряда в силу специфики его определения источников и методов «описательной психологии», о чем и пойдет далее речь.

Выделим позиции, по которым, на мой взгляд, целесообразно сопоставить концепции А.И. Введенского, В. Дильтея и А.С. Лаппо-Данилевского: (1) представления об объекте исторического знания (знания в науках о человеке), (2) понимание основной задачи исторической науки и описание способа ее решения. Перед началом сопоставительного анализа концепций обозначим хронологию публикаций тех произведений, на основе которых будет вестись анализ. В 1892 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» (в майском, июньском и июльском номерах) и отдельным изданием был опубликован трактат Введенского «О пределах и признаках одушевления: новый психофизиологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики»¹⁷. В 1894 г. была

¹⁵ См., напр.: Румянцева 2012.

¹⁶ Об интеллектуальных источниках концепции А.С. Лаппо-Данилевского см.: Вальц 2016.

¹⁷ Введенский 1892.

опубликована «Описательная психология» Дильтея, русский перевод, под редакцией Г.Г. Шпета, вышел в 1924 г.¹⁸ Конечно, у Дильтея есть и более фундаментальные труды, например, «Введение в науки о духе» (1883)¹⁹, но «Описательная психология» в значительной степени инструментальна, автор не только эксплицирует основания «наук о духе», но и демонстрирует конкретные способы решения задачи описательной психологии, что, вероятно, и сближает с ней методологию истории Лаппо-Данилевского. «Методология истории» Лаппо-Данилевского была опубликована двумя выпусками в 1910 и 1913 гг. в качестве пособия к лекциям, прочитанным студентам Санкт-Петербургского университета в 1909/1910 и 1910/1911 уч. годах²⁰.

Упоминания А.И. Введенского и В. Дильтея в «Методологии истории» А.С. Лаппо-Данилевского

Очевидно, что произведения Введенского и Дильтея не могли оказать взаимовлияния, но столь же очевидно, что Лаппо-Данилевский был знаком с обоими этими трудами. Заметим, что и Введенский, и Дильтей упоминаются только в первой части «Методологии истории». Почему важно подчеркнуть, что упоминания Введенского и Дильтея есть только в первой части? Дело в том, что авторы, пишущие о концепции методологии истории Лаппо-Данилевского, практически никогда не обращают внимания на видовую природу «Методологии истории» как историографического источника. А это – пособие к лекционному курсу, а не эпистемологический трактат. Соответственно, в первой части курса автор/лектор излагает по преимуществу «главные направления в теории исторического знания», а не эксплицирует в строгом смысле background своей оригинальной концепции.

Введенский упоминается в «Методологии истории» два раза – в сносках. Один раз – при размышлении об основаниях заключения о чужой одушевленности – автор предлагает сравнить подход Введенского, изложенный в работе «О пределах и признаках...», с подходами Декарта и Канта, к которым он апеллирует в первую очередь²¹. Второй раз упоминается этот же трактат, и так же для сравнения размышлений Введенского с позициями Канта и Фихте по вопросу о роли «нравственного сознания» в признании чужой одушевленности, – дается глухая отсылка к двум материалам, опубликованным в журнале «Вопросы философии и психологии» («Тезисы и Вторичный вызов на спор о законе одушевления в «Вопр. филос. и психол.», кн. 16, Спец. отд., сс.

¹⁸ Дильтей 1996.

¹⁹ Дильтей 2000.

²⁰ Лаппо-Данилевский 1910-1913. В настоящей работе я пользуюсь изданием: Лаппо-Данилевский 2010.

²¹ Лаппо-Данилевский. 2010. Т. 1. С. 338, примеч. 2.

115-118, и кн. 18, Спец. отд., сс. 120-149»²²): протоколу заседания Московского психологического общества, на котором обсуждалась работа Введенского (основной доклад «Разбор положений А.И. Введенского в связи с его книгой “О пределах и признаках одушевления” СПб., 1892» сделал П.Е. Астафьев²³), и статье Введенского, написанной как ответ на критику²⁴, причем статью С.Н. Трубецкого²⁵, с которым полемизировал Введенский, Лаппо-Данилевский не упоминает. Правда, рассуждая о принципе признания чужой одушевленности, он ссылается на работу ученика Введенского И.И. Лапшина «Проблема “чужого я” в новейшей философии», опубликованную в 1909–1910 гг. в Журнале Министерства народного просвещения и отдельным изданием (СПб., 1910), и фактически берет ее за основу своих размышлений по этой проблеме²⁶.

Несмотря на столь скудное упоминание Введенского в «Методологии истории», концепция основоположника русской версии неокантианства, вероятно, оказала существенное влияние на методологию истории Лаппо-Данилевского, что мы далее и проиллюстрируем.

Дильтею «повезло» больше – к его размышлениям Лаппо-Данилевский обращается трижды, причем два раза в самом тексте своей работы и развернуто. Первое упоминание – в обзоре «развития номотетического построения исторического знания». В параграфе «Развитие понятия о законосообразности исторических явлений в психологическом смысле» автор характеризует подход Дильтея как «иной» по отношению к номотетическому и отсылает именно к концепции «описательной психологии». Констатируя возникновение к середине 1850-х «эволюционной» психологии, которую ассоциирует с «Основаниями психологии» Г. Спенсера (1855), Лаппо-Данилевский пишет: «С иной точки зрения Дильтей уже в наше время попытался наметить задачи особого рода психологии, занимающейся описанием и анализом душевной жизни “развитого человека” (ср. еще ниже)»²⁷. И действительно, «ниже», в обзоре «развития идиографического построения исторического знания», автор позиционирует Дильтея как «известного биографа Шлейермахера», а его концепцию наук «о духе» – в русле направления, разработанного в 1870-х гг. Х. Зигвартом (Сигварт, 1830–1904, немецкий

²² Там же. С. 342, примеч. 1.

²³ Протокол заседания 12 декабря 1892 г... 1893.

²⁴ Введенский 1893.

²⁵ Трубецкой 1893.

²⁶ Лаппо-Данилевский 2010. Т. 1. С. 336, примеч. («Автор последнего сочинения [И.И. Лапшин – М.Р.] дает обстоятельное обозрение множества теорий; отсылая желающих ознакомиться с ними к его любопытному труду, я ограничусь только несколькими общими и краткими указаниями на важнейшие из высказанных точек зрения, присоединяя к ним и некоторые критические замечания»).

²⁷ Там же. Т. 1. С. 160.

философ неокантианского направления, автор «Логики», 1873–78), который «...попытался установить те принципы познания, которые обусловливают правильность дискурсивного мышления, а также обратил внимание на ту зависимость, в какой его методы находятся от объектов нашего изучения; с той же точки зрения он подошел и к выяснению особенностей исторического познания»²⁸. Лаппо-Данилевский пишет: «Такое направление не осталось без продолжателей: Дильтей <...> высказался против смешения познавательных принципов естествознания с познавательными принципами “наук о духе”: “условия познания” природы далеко не тождественны с условиями познания тех явлений, которые изучаются в “науках о духе”; да и объект последних “понимается еще прежде, чем он познан”, и переживается нашим сознанием во всей целостности нашего духа <...> С такой гносеологической точки зрения Дильтей проводит резкое различие между науками о природе и “науками о духе”, имеющими целью “познание исторически-социальной действительности” в ее целом...»²⁹. Лаппо-Данилевский констатирует, что Дильтей во «Введении в науки о духе» (1883) «...уже наметил, правда, лишь в самых общих и беглых чертах, ту “критику исторического разума”, разработка которой стояла на очереди; но сам он все еще слишком мало различал логическую противоположность познавательных точек зрения от противопоставления объектов научного исследования и последнее ставил в основу своей группировки наук, в которой “науки о духе” сливаются с историей»³⁰. Примечательно, что в этом обзоре автор рассматривает В. Виндельбанда и Г. Риккерта, ведущих представителей Баденской школы неокантианства, как продолжателей этого направления³¹. Не буду оспаривать здесь корректность такой генетической связи, но замечу, что Виндельбанд и Риккерт как раз четко «различал(и) логическую противоположность познавательных точек зрения от противопоставления объектов научного исследования», что обусловило их отказ размышлять о природе объекта гуманитарного/исторического познания. Рассматривая проблему отнесения к ценностям в связи с понятием об исторической ценности индивидуального при идиографическом построении истории, Лаппо-Данилевский, наряду с работой Риккерта «Границы естественнонаучного образования понятий» (1896), ссылается на «Описательную психологию» Дильтея (Оригинальное название: «Ideen über eine beschreibende und zergliedernde Psychologie» – «Идеи об описательной и расчленяющей психологии»)³².

²⁸ Там же. С. 259.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 260.

³¹ Там же. С. 261.

³² Там же. С. 290.

Объект исторического познания

Итак, Лаппо-Данилевский обратил внимание в концепции Дильтея на экспликацию им особенностей наук в зависимости от их объекта. Действительно, Дильтей предваряет свое исследование такими словами: «...мы тут же, в самом начале нашего исследования заявляем требование наук о духе на право самостоятельного определения методов, соответствующих их предмету. Науки о духе должны, исходя от наиболее общих понятий учения о методе и испытывая их на своих особых объектах, дойти до определенных приемов и принципов в своей области...»³³

Если Лаппо-Данилевский подверг критике в концепции Дильтея недостаточную последовательность в определении зависимости метода от объекта исследования, то Риккерт, как было отмечено, вообще не разделял такого подхода и указывал на трудности определения «духа» как объекта исторического познания, поэтому он отказался от понятия «науки о духе», заменив его на «науки о культуре» и противопоставляя их «наукам о природе» не по объекту, а по логике³⁴.

Принципиальное отличие русской версии неокантианства от неокантианства Баденского – как раз в специальном внимании к объекту исторического познания. Но нельзя не согласиться с Риккертом, что рассматривать «дух» в качестве объекта весьма затруднительно.

Однако, перейдя с уровня философской рефлексии на инструментальный уровень решения задач «описательной психологии», Дильтей уже по-иному подходит к определению объекта исследования. Сравним высказывания Введенского, Дильтея и Лаппо-Данилевского.

А.И. Введенский: «...наблюдать саму чужую душевную жизнь мы не можем, а должны лишь заключать об ней по ее внешним, материальным, то есть, объективным обнаружениям [здесь и далее выделено мной – М.Р.], следовательно, при каждой попытке решать подобные вопросы мы уже должны быть уверены в том, какие именно материальные явления служат признаком, обнаруживающим присутствие душевной жизни, и какие проходят без ее участия»³⁵.

В. Дильтей: «Весьма важным дополнением к этим методам [самонаблюдения и заключения по аналогии – М.Р.], поскольку они занимают процессами, является пользование предметными продуктами психической жизни. В языке, в мифах, в литературе и в искусстве, во всех исторических действиях вообще мы видим перед собою как бы объективированную психическую жизнь: продукты действующих сил психического порядка, прочные образования, построенные из пси-

³³ Дильтей 1996. С. 15.

³⁴ Риккерт 1998. С. 138 и след.

³⁵ Введенский 1892. С. 7.

хических составных частей и по их законам. Если мы наблюдаем процессы в самих себе или в других, мы видим в них постоянную изменчивость, вроде пространственных образов, очертания которых постоянно менялись бы; поэтому неопределимо важным представляется иметь перед собой *длинные образования с прочными линиями, к которым наблюдение и анализ всегда могли бы возвращаться*³⁶. Любопытно, что, противопоставляя описательную психологию объяснительной и критикуя последнюю, Дильтей пишет, что объяснительная психология «...хочет объяснить уклад душевного мира, с его составными частями, силами и законами, точно так, как химия или физика объясняют строение мира телесного»³⁷. Не достигнув и даже не приблизившись к решению этой задачи, «объяснительная психология, – как полагает Дильтей, – утешает себя ссылкой на те времена, когда положение химии и физики казалось не лучшим; но каким неизмеримым преимуществом перед нею обладают эти науки в виде устойчивости объектов [выделено мной – М.Р.], возможности свободно пользоваться экспериментом, измеримости пространственного мира!»³⁸ Но, как мы видели, и самому Дильтею удалось найти в психологии «устойчивые объекты» в виде «предметных продуктов психической жизни».

А.С. Лаппо-Данилевский: «исторический источник есть *реализованный продукт человеческой психики*, пригодный для изучения фактов с историческим значением»³⁹.

Итак, объект гуманитарного/исторического познания (в терминологии исторической науки – исторический источник) – это:

<i>А.И. Введенский</i>	<i>В. Дильтей</i>	<i>А.С. Лаппо-Данилевский</i>
внешние, материальные, то есть, объективные обнаружения чужой душевной жизни	предметные продукты психической жизни ⁴⁰	реализованный продукт человеческой психики

Принцип признания чужой одушевленности в «Методологии истории» А.С. Лаппо-Данилевского

Уже по названию трактата Введенского можно заключить, что он посвящен разработке проблемы «чужой одушевленности» – ее обнаружения, при отсутствии внешних признаков, и восприятия. Оставим за

³⁶ Дильтей 1996. С. 99-100.

³⁷ Там же. С. 9.

³⁸ Там же. С. 14.

³⁹ Лаппо-Данилевский 2010. Т. 2. С. 38. Поскольку системный анализ концепции Лаппо-Данилевского здесь не входит в нашу задачу, оставлю без рассмотрения феноменологический аспект его подхода к пониманию природы исторического источника, см.: Румянцев 2014.

⁴⁰ Оставляю за рамками рассмотрения проблему перевода, замечу только, что «Описательная психология» вышла в русском переводе под редакцией Г.Г. Шпета, несомненно знакомого с построениями А.С. Лаппо-Данилевского.

границами рассмотрения собственно философские аспекты проблемы, отметим только, что, оставаясь в области «критической философии», Введенский признает этот вопрос метафизически не разрешимым и не имеющим эмпирического обоснования и акцентирует, по преимуществу, гносеологическую составляющую проблемы, наряду с этической и выяснением психогенезиса представления о чужой душевной жизни.

Приступая к выяснению специфики объекта исторического познания, Лаппо-Данилевский оперирует понятиями бытие/бывание и изменение и формулирует задачу – «...выяснить, какого рода качественные изменения во времени он [историк – М.Р.] понимает, когда он рассуждает об исторических фактах». И дает ответ: «В таких случаях он, подобно психологу и социологу, обыкновенно имеет в виду какое-либо изменение в состоянии данного субъекта (индивидуального или коллективного) <...> В случаях подобного рода ученый-психолог, социолог или историк имеет дело с такими качественными изменениями, которые происходят в чужой психике; рассуждая о них, он уже опирается на особого рода принцип: он *предпосылает наличность чужой одушевленности* [выделено мной – М.Р.], с точки зрения которой он и конструирует такие перемены в чужой психике, в сущности, недоступной эмпирическому его наблюдению»⁴¹.

Как и Введенский, Лаппо-Данилевский против смешения метафизической и гносеологической постановки проблемы «чужого я»: в метафизическом смысле можно признавать или отрицать «чужое Я», но в гносеологическом «принцип признания чужой одушевленности можно признать гипотезой: она нужна психологу, социологу или историку для того, чтобы объединять свое знание о наблюдаемых им чужих поступках и деятельности»⁴². Правда, утверждая это, Лаппо-Данилевский ссылается непосредственно на «Критику чистого разума» Канта⁴³.

Понимание Другого – метод перенесения по аналогии

Инвариантная задача гуманитарного знания – понять Другого: воспроизвести его, чужую, одушевленность / описать его в его индивидуальности, что в методологии источниковедения, разработанной Лаппо-Данилевским, достигается через интерпретацию/научно значимое понимание созданного Другим произведения/исторического источника.

Аксиоматично, что иных ресурсов для понимания Другого, кроме собственной индивидуальности, у нас нет. Отсюда вытекает и основной метод понимания / воспроизведения чужой одушевленности – *перенесение по аналогии*. На это в первую очередь обратил внимание Введенский, приступая к проблеме психогенезиса представлений о

⁴¹ Лаппо-Данилевский 2010. Т. 1. С. 335-336.

⁴² Там же. С. 340.

⁴³ Там же. С. 340, примеч. 1.

чужой одушевленности: «...всякий раз, когда я наблюдаю (вернее, предполагаю *будто бы* [здесь и далее выделено автором – М.Р.] я наблюдаю) в другом лице такое или иное душевное явление, на самом деле я только его строю в своем уме; и строю, разумеется, из тех самых элементов, из которых состоит моя собственная душевная жизнь (ибо никаких иных элементов я не могу представить себе), то есть я их как бы *переношу* из самого себя в другое лицо»⁴⁴.

Размышления Введенского о перенесении, по аналогии, на Другого элементов собственной душевной жизни, обычно сопровождающимся заблуждением, что мы прямо и непосредственно обнаруживаем «чужую одушевленность», вызвали полемику среди философов – современников Введенского, но явно недооценены последующими историками философии. Введенский, отвечая на вопрос: «...как, несмотря на то, что чужая душевная жизнь не поддается прямому наблюдению, мы, тем не менее, дошли до убеждения в ее существовании», – утверждает: «...*посредством умозаключения по аналогии* [выделено мной – М.Р.]; мы всегда наблюдали в других людях телесные явления, одинаковые или сходные с теми, которые у нас самих служат обнаружениями нашей душевной жизни, и от сходства обнаружений заключали к сходству обнаруживающихся в них процессов»⁴⁵. И далее: «Вследствие ненаблюдаемости и непредставимости чужой душевной жизни, всякое, так называемое, наблюдение чужого душевного явления состоит только в том, что по наблюдаемым мной в другом лице телесным явлениям я строю из элементов моей собственной душевной жизни картину того, что было бы пережито мной самим на его месте»⁴⁶.

Примечательно, что Б.В. Яковенко, в целом позитивно оценивавший философию Введенского, обращает внимание на этот принцип и разъясняет суть подхода Введенского максимально просто: «Всякое познание чужой душевной жизни состоит лишь в мысленной подстановке себя самого в условия данной жизни, поэтому чужая жизнь всегда формируется из элементов душевной жизни того, кто познает»⁴⁷.

Дильтей, рассуждая о возможностях решения задачи описательной психологии, начинает с выяснения возможности постижения собственных внутренних состояний, затем утверждает: «Внутреннее восприятие мы восполняем постижением других. Мы постигаем то, что внутри их. Происходит это путем духовного процесса, соответствующего *заключению по аналогии* [выделено мной – М.Р.]. Недочеты этого процесса обуславливаются тем, что мы совершаем его лишь путем

⁴⁴ Введенский 1892. С. 54.

⁴⁵ Там же. С. 32.

⁴⁶ Там же. С. 59.

⁴⁷ Яковенко 2003. С. 288.

перенесения нашей собственной душевной жизни. Элементы чужой душевной жизни, разнящиеся от нашей собственной не только количественно, или же отличающиеся от нее отсутствием чего-либо, присущего нам, безусловно не могут быть восполнены нами положительно. В подобном случае мы можем сказать, что сюда приходит нечто нам чуждое, но мы не в состоянии сказать, что именно»⁴⁸.

Лаппо-Данилевский также видит возможность постижения Другого по аналогии: «...всякий познает “чужое я” при помощи подстановки самого себя в условия его душевной жизни и, значит, строит ее, исходя из представления о собственной своей индивидуальности...»⁴⁹

Дильтей, утверждая возможность понимания Другого, исходит из логики «философии жизни»: доказательством тому, что мы можем понять Другого, служат «знания о душевных состояниях, которыми мы несомненно обладаем». Он констатирует: «Раз такое знание существует, оно должно быть и возможным»⁵⁰. И приводит дополнительный аргумент: «За большое внутреннее сродство всей человеческой душевной жизни говорит то, что для исследователя, привыкшего оглядываться вокруг себя и знающего свет, понимание чужой человеческой душевной жизни в общем вполне возможно»⁵¹. То есть для Дильтея не возможность понимания Другого вытекает из доказанного «сродства душевной жизни», а, напротив, «сродство душевной жизни» обосновывается безусловно существующим в человеческой практике пониманием Другого.

Лаппо-Данилевский также видит условие понимания Другого в единообразии человеческой природы: «Вместе с тем он [исследователь – М.Р.] основывает такое свое истолкование на предпосылке о единообразии природы вообще и единообразии психической природы человека в частности; эта предпосылка постоянно делается ученым». И далее – обуславливает применение метода аналогии предположением о единообразии психической природы человека: «Лишь опираясь на такую предпосылку о единообразии психической природы человека, историк может сознательно пользоваться заключением по аналогии <...> для того, чтобы действием известных психических факторов объяснять внешние обнаружения чужой жизни, которые доступны его собственному чувственному восприятию»⁵².

Дильтей продолжает свою мысль: «Единообразие человеческой природы выражается в том, что у всех людей (если дело только не в

⁴⁸ Дильтей 1996. С. 98.

⁴⁹ Лаппо-Данилевский 2010. Т. 1. С. 341.

⁵⁰ Дильтей 1996. С. 95.

⁵¹ Там же. С. 98.

⁵² Лаппо-Данилевский 2010. Т. 1. С. 346.

аномалиях и дефектах) встречаются одни и те же качественные определения и формы соединений. Зато *количественные соотношения* [здесь и далее выделено автором – М.Р.], в которых они встречаются, чрезвычайно *различны* между собою; различия эти постоянно связываются в новые сочетания, и на *этом-то и основываются различия индивидуальностей*. Из этих количественных различий и соотношений *возникают* и такие, который *выступают как черты качественные*»⁵³.

Лаппо-Данилевский «подхватывает» эту мысль, но проявляет и некоторый научный скепсис: «Вообще можно сказать, что историк предполагает некоторое сходство между своей одушевленностью и одушевленностью изучаемого им исторического деятеля, общественной группы и т.п. Если историк исходит из предположения, что его психика и психика некогда бывшего другого индивидуума разнятся лишь в интенсивности комбинированных элементов, то соответствующие видоизменения в интенсивности элементов психики историка (например, при мысленном погружении его в среду, где жил изучаемый им некогда бывший индивидуум) приблизят его к пониманию психики последнего; но даже приняв такую гипотезу, он может сомневаться в ее приложимости...»⁵⁴. Скепсис проявлял и Введенский: на возможное возражение оппонентов, что «мы никогда не можем быть уверены, правильно ли мы представляем себе чужую душевную жизнь», – он отвечал: «Да так оно и есть. Мало того, что *не можем* [выделено автором – М.Р.] быть уверены, но зачастую и не верим в подобную возможность. Ведь создал же народ пословицу: “чужая душа потемки”...»⁵⁵

В отличие от Дильтея, констатировавшего «единообразие человеческой природы», Лаппо-Данилевский утверждает, что с уверенностью можно говорить лишь о сходстве элементов, общих «обеим одушевленностям», но их *комбинация* может быть «...настолько своеобразной, что полное и живое понимание ее все же будет еще очень ограниченным...»⁵⁶.

Но мысль об ограничениях метода аналогии в воспроизведении чужой одушевленности уже была подробно развита Введенским, который писал, что значение «объективных психологических наблюдений <...> состоит вовсе не в том, чтобы они раскрывали мне новые, еще не пережитые мной элементы душевной жизни. Это вещь совершенно невозможная <...> Объективные наблюдения указывают мне только на такую *комбинацию психических элементов* [выделено мной – М.Р.], которой я еще не переживал и впервые переживаю только тем путем,

⁵³ Дильтей 1996. С. 143-144.

⁵⁴ Лаппо-Данилевский 2010. Т. 1. С. 349.

⁵⁵ Введенский 1892. С. 55.

⁵⁶ Лаппо-Данилевский 2010. Т. 1. С. 349.

что воображаю себя на месте наблюдаемого лица, или же я ее и переживал, да не обращал на нее внимания»⁵⁷.

Лаппо-Данилевский признавал, что «...воспроизведение чужой одушевленности во всей ее полноте представить себе нельзя, хотя бы уже потому, что в таком акте всегда соучаствует то сознание, в котором чужая одушевленность воспроизводится: “я” не могу перестать быть “я” даже в момент сочувственного переживания чужого “я”»⁵⁸.

Анализируя психогенезис понятия о чужой одушевленности, Лаппо-Данилевский выделяет сопереживание и ассоциирование как нерелективные способы восприятия Другого и утверждает, что «процесс собственно научного психологического понимания характеризуется не инстинктивным воспроизведением чужой одушевленности, а возможно более научнообразным заключением по аналогии»⁵⁹. Таким образом, он переводит проблему из области философии и философской психологии в область исторического метода.

Признавая метод аналогии единственным научным способом понимания Другого, Лаппо-Данилевский фундирует его принципом признания чужой одушевленности, соглашаясь тем самым с Введенским и отчасти вступая в полемику с подходом Дильтея: «В сущности, заключение по аналогии, которому многие приписывают значение в качестве доказательства чужой одушевленности, вряд ли может претендовать на такую роль. В самом деле, лишь в том случае, если я подменяю понятие о моем “я” понятием об “одном я”, я могу, по аналогии сделать заключение о “другом я”, т.е. перенести свое представление об “одном я” (в данном случае отождествляемом с моим “я”) на “другое я”; но в таком случае я уже исхожу из признания чужой одушевленности, ибо оно лежит в основе моего понятия об “одном я” как о некоем экземпляре, по которому я могу, путем заключения по аналогии, судить о другом экземпляре того же вида. С такой точки зрения заключение по аналогии уже предполагает признание чужой одушевленности...»⁶⁰

В этом своем рассуждении А.С. Лаппо-Данилевский ссылается на Т. Липпса (1851-1914), автора теории эмпатии. Конечно, воздействие эстетика Липпса на концепцию Лаппо-Данилевского нуждается в отдельном рассмотрении, но все же можно предположить, что у Липпса русский историк почерпнул концепцию «вчувствования» (на что и сам указывает⁶¹), но никак не перенесения по аналогии.

⁵⁷ Введенский 1892. С. 59-60.

⁵⁸ Лаппо-Данилевский 2010. Т. 1. С. 345.

⁵⁹ Там же. С. 347.

⁶⁰ Там же. С. 343-344.

⁶¹ Там же. С. 342, примеч. 2.

Конечно, в рамках одной статьи невозможно выявить все нюансы общего и особенного в построениях А.И. Введенского, В. Дильтея и А.С. Лаппо-Данилевского, но, на мой взгляд, концептуальная связь методологии истории Лаппо-Данилевского с психофизиологическим законом Введенского и описательной психологией Дильтея вполне очевидна, хотя генетика и механизм этой связи нуждается в дальнейшем анализе, в т.ч. и факторных влияний концепций других философов/психологов на всех трех авторов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абрамов А.[И.] Кант в России // Русская философия: малый энциклопедический словарь. М.: Наука, 1995. С. 235-242.
- Александр Иванович Введенский и его философская эпоха: к 150-летию со дня рождения: [материалы междунар. науч. конф. «Философия как наука и учебная дисциплина», 16-18 ноября 2006 г.]. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. 338, 3 с.
- Валц М.П. Рецепция идей немецких ученых в работе А.С. Лаппо-Данилевского «Методология истории»: дисс. канд. ист. наук по специальности 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования. М.: РГГУ, 2016. 265 с.
- Введенский А.И. Вторичный вызов на спор о законе одушевления и ответ противникам // Вопросы философии и психологии. 1893. Кн. 3(18). С. 120-149 (2-я паг.)
- Введенский А.И. О пределах и признаках одушевления: новый психофизиологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики. СПб.: тип. В.С. Балашева, 1892. 119 с.
- Введенский А.И. Статьи по философии. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. 227 с.
- Дильтей В. Введение в науки о духе: опыт полагания основ для изучения общества и истории / пер. с нем. и ред. В.С. Малахова // Дильтей В. Собр. соч.: в 6 т. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. Т. 1. С. 267-762.
- Дильтей В. Описательная психология. 2-е изд. СПб.: Алетейя, 1996. 155 с.
- Дмитриева Н.А. Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. М.: РОССПЭН, 2007. 512 с. (Humanitas).
- Кант: pro et contra: рецепция идей немецкого философа и их влияние на развитие русской философской традиции: антология. СПб.: Изд-во Русской Христианской гуманитарной академии, 2005. 926 с.
- Круглов А.Н. Философия Канта в России в конце XVIII – первой половине XIX в. М.: «Канон+» РОИИ «Реабилитация», 2009. 568 с.
- Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории: в 2 вып. СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1910-1913: Ч. I: Теория исторического знания: пособие к лекциям, читанным студентам С.-Петербургского университета в 1909/1910 уч. году. СПб., 1910. 292 с.; Вып. II: пособие к лекциям, читанным студентам С.-Петербургского университета в 1910/1911 году. СПб., 1913. С. 292-802.
- Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории: [в 2 т.]. М.: РОССПЭН, 2010. 2 т.
- Лапшин И.И. Философия изобретения и изобретение в философии: введение в историю философии. М.: Республика, 1999. 399 с.
- Лосский Н.О. История русской философии. М.: Советский писатель, 1991. 479 с.
- Малинов А.В. «Психо-физический закон» А.И. Введенского и его критики // Неокантианство в России: Александр Иванович Введенский, Иван Иванович Лапшин / под ред. В.Н. Брюшинкина, В.С. Поповой. М.: РОССПЭН, 2013. С. 127-153.
- Неокантианство в России: Александр Введенский, Иван Иванович Лапшин / под ред. В.Н. Брюшинкина, В.С. Поповой. М.: РОССПЭН, 2013. 358 с.
- Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / под ред. И.Н. Грифцовой, Н.А. Дмитриевой. М.: РОССПЭН, 2010. 567 с. (Humanitas).

- Протокол заседания 12 декабря 1892 г. // Вопросы философии и психологии. 1893. Кн. 1(16). С. 114–118 (2-я pag.).
- Риккерт Г. Философия истории // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. С. 129–204.
- Румянцева М.Ф. Русская версия неокантианства: к постановке проблемы // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2012. Т. 154. Кн. 1. С. 130–141.
- Румянцева М.Ф. Феноменология vs неокантианство в концепции А.С. Лаппо-Данилевского // Диалог со временем. 2014. Вып. 46. С. 7–16.
- Сербиненко В.[В.] Введенский Александр Иванович // Русская философия: малый энциклопедический словарь. М.: Наука, 1995. С. 85.
- Тихонова Э.В. Проблема «Чужого Я» в русской философско-психологической мысли конца XIX – начала XX вв.: к истории научной полемики // Вече. Альманах русской философии и культуры. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2010. Вып. 21. С. 82–93.
- Трубецкой С.Н. кн. [Рец.] К вопросу о признаках сознания (А. Введенский: О пределах и признаках одушевления) // Вопросы философии и психологии. 1893. Кн. 1(16). С. 97–109. 2-я pag.
- Яковенко Б.В. История русской философии / пер. с чеш., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Солодухина. М.: Республика, 2003. 510 с.

REFERENCES

- Abramov A.[I.] Kant v Rossii // Russkaya filosofiya: maliy entsiklopedicheskiy slovar', M., Nauka, 1995, S. 235–242.
- Aleksandr Ivanovich Vvedenskii i ego filosofskaya epokha: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya: [materialy mezhdunar. nauch. konf. «Filosofiya kak nauka i uchebnaya dis-tsiplina», 16–18 noyabrya 2006 g.]. SPb., Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2006, 338, 3 s.
- Val'ts M.P. Retseptsiya idei nemetskikh uchenykh v rabote A.S. Lappo-Danilevskogo «Metodologiya istorii»: diss. kand. ist. nauk po spetsial'nosti 07.00.09 – Istoriografiya, istochnikovedenie i metody istoricheskogo issledovaniya. M., RGGU, 2016, 265 s.
- Vvedenskii A.I. Vtorichnyi vyzov na spor o zakone odushchevaniya i otvet protivnikam // Voprosy filosofii i psikhologii, 1893, Kn. 3(18), S. 120–149 (2-ya pag.)
- Vvedenskii A.I. O predelakh i priznakakh odushchevaniya: novyi psikho-fiziologicheskii zakon v svyazi s voprosom o vozmozhnosti metafiziki. SPb., tip. V.S. Balasheva, 1892, 119 s.
- Vvedenskii A.I. Stat'i po filosofii. SPb., Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1996, 227 s.
- Dil'tei V. Vvedenie v nauku o dukhe: opyt polaganiya osnov dlya izucheniya obshchestva i istorii / per. s nem. i red. V.S. Malakhova // Dil'tei V. Sobr. soch.: v 6 t. M., Dom intellektual'noi knigi, 2000, T. 1, S. 267–762.
- Dil'tei V. Opisatel'naya psikhologiya. 2-e izd. SPb.: Aleteiya, 1996, 155 s.
- Dmitrieva N.A. Russkoe neokantianstvo: «Marburg» v Rossii. Istoriko-filosofskie ocherki. M., ROSSPEN, 2007, 512 s. (Humanitas).
- Kant: pro et contra: retseptsiya idei nemetskogo filosofa i ikh vliyanie na razvitie russkoi filosofskoi traditsii: antologiya. SPb., Izd-vo Russkoi Khristianskoi gumanitarnoi akademii, 2005, 926 s.
- Kruglov A.N. Filosofiya Kanta v Rossii v kontse XVIII – pervoi polovine XIX v. M., «Kanon+» ROII «Reabilitatsiya», 2009, 568 s.
- Lappo-Danilevskii A.S. Metodologiya istorii: v 2 vyp. SPb.: tip. V. Bezobrazova i Ko, 1910–1913: Ch. I: Teoriya istoricheskogo znaniya: posobie k lektsiyam, chitannym studentam S.-Peterburgskogo universiteta v 1909/1910 uch. godu. SPb., 1910, 292 s.; Vyp. II: posobie k lektsiyam, chitannym studentam S.-Peterburgskogo uni-versiteta v 1910/1911 godu. SPb., 1913, S. 292–802.
- Lappo-Danilevskii A.S. Metodologiya istorii: [v 2 t.]. M., ROSSPEN, 2010, 2 t.
- Lapshin I.I. Filosofiya izobreteniya i izobretenie v filosofii: vvedenie v istoriyu filosofii. M., Respublika, 1999, 399 s.
- Losskii N.O. Istoriya russkoi filosofii. M., Sovetskii pisatel', 1991, 479 s.

- Malinov A.V. «Psikho-fizicheskii zakon» A.I. Vvedenskogo i ego kritiki // Neokantianstvo v Rossii: Aleksandr Ivanovich Vvedenskii, Ivan Ivanovich Lapshin / pod. red. V.N. Bryushinkina, V.S. Popovoi. M., ROSSPEN, 2013, S. 127-153.
- Neokantianstvo v Rossii: Aleksandr Ivanovich Vvedenskii, Ivan Ivanovich Lapshin / pod. red. V.N. Bryushinkina, V.S. Popovoi. M., ROSSPEN, 2013, 358 s.
- Neokantianstvo nemetskoe i russkoe: mezhdru teorii poznaniya i kritiki kul'tury / pod red. I.N. Griftsovoi, N.A. Dmitrievoi. M., ROSSPEN, 2010, 567 s. (Humanitas).
- Protokol zasedaniya 12 dekabrya 1892 g. // Voprosy filosofii i psikhologii, 1893, Kn. 1(16), S. 114-118 (2-ya pag.).
- Rikkert G. Filosofiya istorii // Rikkert G. Nauki o prirode i nauki o kul'ture. M., Respublika, 1998, S. 129-204.
- Rumyantseva M.F. Russkaya versiya neokantianstva: k postanovke problemy // Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanit. Nauki, 2012, T. 154, Kn. 1, S. 130-141.
- Rumyantseva M.F. Fenomenologiya vs neokantianstvo v kontseptsii A.S. Lappo-Danilevskogo // Dialog so vremenem, 2014, Vyp. 46, S. 7-16.
- Serbinenko V.[V.] Vvedenskii Aleksandr Ivanovich // Russkaya filosofiya: maliy entsiklopedicheskii slovar'. M., Nauka, 1995, S. 85.
- Tikhonova E.V. Problema «Chuzhogo Ya» v russkoi filosofsko-psikhologicheskoi mysli kontsa XIX – nachala XX vv.: k istorii nauchnoi polemiki // Veche. Al'manakh russkoi filosofii i kul'tury. SPb., Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2010, Vyp. 21, S. 82-93.
- Trubetskoi S.N. kn. [Rets.] K voprosu o priznakakh soznaniya (A. Vvedenskii: O predelakh i priznakakh odushevleniya) // Voprosy filosofii i psikhologii, 1893, Kn. 1(16), S. 97-109. 2-ya pag.
- Yakovenko B.V. Istoriya russkoi filosofii / per. s chesh., obshch. red. i poslesl. Yu.N. Solodukhina. M., Respublika, 2003, 510 s.

Румянцева Марина Федоровна, кандидат исторических наук, доцент; доцент Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук, НИУ «Высшая школа экономики»; Кафедра теории и истории гуманитарных наук, Институт филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета; mf-r@yandex.ru

Philosophical foundations of the methodology of history within a Russian version of neo-Kantianism: A.I. Vvedenskii and V. Dilthey

The article presents a comparison between the epistemological foundations of the concept of the methodology of history by A.S. Lappo-Danilevsky and that of the “psycho-physiological law of the absence of signs of another soul” by A. I. Vvedensky, the founder of the Russian version of neo-Kantianism, and the principles of “descriptive psychology” by W. Dilthey. It shows the strategic importance of the principle of recognition of another soul in the epistemological concept by A.S. Lappo-Danilevsky. Shared ideas of A.I. Vvedensky, V. Dilthey and A.S. Lappo-Danilevsky were identified in their understanding of the object of historical knowledge: an objectified product of mental life /historical source, the aim of human cognition was thought to be an understanding of the Other, and its method – similar to the private mental life.

Keywords: Russian version of neo-Kantianism, psycho-physiological law of A.I. Vvedensky, the principle of recognition of another soul, descriptive psychology by V. Dilthey, A.S. Lappo-Danilevsky, the methodology of source study

Marina Rumyantseva, PhD in history, Associate Professor, School of History, Faculty of Humanities, National Research University “Higher School of Economics”; Department of Theory and History of Humanities, Institute of Philology and History, Russian State University for the Humanities; mf-r@yandex.ru